

ПРАВОСУДИЕ КАК ОБЪЕКТ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ

И. А. Гааз, Е. Н. Курпьянова

JUSTICE AS AN OBJECT OF CRIMINAL LAW PROTECTION

I. A. Gaag, E. N. Kurpyanova

Настоящая статья посвящена определению понятия и признаков правосудия как объекта уголовно-правовой охраны. Исследование целесообразности отнесения к правосудию деятельности органов дознания, следствия, прокуратуры, а также деятельности защитников и органов, исполняющих решения и приговоры судов позволили сделать вывод об отнесении такой деятельности к правосудию и о необходимости внесения изменений в название главы 31 УК РФ.

The paper focuses on the definition and attributes of justice as an object of criminal law protection. The paper studies the feasibility of referring the activities of inquiry, investigation, prosecution bodies, and the activities of defense agencies enforcing court decisions and sentences to justice. The results allow classifying such activities as justice; the authors conclude that the title of Chapter 31 of the Criminal Code needs to be changed.

Ключевые слова: правосудие, объект, признаки, цели, задачи, суд деятельность, дознание.

Keywords: justice, object, attributes, goals, objectives, court activities, investigative bodies, prosecutors.

Наиболее ярко сущность преступлений, объединенных общим объектом, проявляется именно в характеристике этого объекта. Преступления против правосудия объединены в главу 31 Уголовного Кодекса Российской Федерации, поскольку причиняют вред или создают угрозу причинения вреда тем или иным интересам правосудия. Понятие правосудия, определение его признаков, целей и задач интересует нас, прежде всего, с точки зрения характеристики объекта этих преступлений.

В законодательстве Российской Федерации отсутствует дефиниция правосудия. Не имеется единого понимания данного понятия и в правовой науке. Поскольку правосудие носит общеправовой характер, то исследованию этого понятия посвящали свои труды ученые в области конституционного, уголовного, уголовно-процессуального, арбитражно-процессуального и гражданско-процессуального права.

В конституционном праве сложился единый подход к формированию признаков правосудия. Первым признаком правосудия называют осуществление правосудия исключительно специальным государственным органом – судом. В связи с этим ошибочным следует считать утверждение Е. Ю. Хлопцовой о признании правосудием деятельности некоторых других государственных органов по рассмотрению дел об административных правонарушениях [13]. Вторым признаком правосудия – отнесение его к социальной функции судебной власти. В качестве третьего признака указывают реализацию правосудия в соответствующих процессуальных формах. И последним, четвертым признаком, называют характеристику правосудия, которая состоит в рассмотрении и разрешении по существу подведомственных суду правовых споров [11]. Ни один из предлагаемых признаков не вызывает у нас возражений, и все они будут нами использованы при формулировании понятия правосудия как уголовно-правовой категории.

Исследованию понятия правосудия в гражданско-процессуальном и арбитражно-процессуальном праве, на наш взгляд, не уделяется должного внимания. Можно отметить отсутствие интереса ученых в этих отраслях права к исследованию понятия и признаков право-

судия. Специалисты в области гражданско-процессуального и арбитражно-процессуального права дублируют признаки правосудия, сформулированные в конституционном праве.

В уголовно-процессуальном праве правосудие изучается с позиции уголовно-процессуальной функции. И. Л. Петрухин указывает, что правосудие – это правоприменительная деятельность суда, представляющая собой форму социального контроля, а также деятельность по реализации особой функции государства, отделенной и от законодательной и от исполнительной функций [9]. К. Ф. Гуценко правосудием предлагает считать «осуществляемую судом правоохранительную деятельность по рассмотрению и разрешению гражданских и уголовных дел при неуклонном соблюдении требований закона и установленного им порядка, обеспечивающих законность, обоснованность, справедливость и общеобязательность судебных решений» [10]. Оба автора ограничивают сферу правосудия лишь указанными формами судопроизводства и относят правосудие к правоохранительной деятельности, с чем вряд ли можно согласиться, учитывая сущность судебной власти, одной из функций которой оно является. Кроме того, следует иметь в виду, что правосудие рассматривается как синоним правоохранительной функции, связанной с выявлением и устранением правонарушений. Предложенный подход можно объяснить тем, что и И. Л. Петрухин, и К. Ф. Гуценко определяли правосудие на основании предыдущей Конституции РСФСР.

В период действия Конституции Российской Федерации 1993 г. во многих трудах ученых допускается та же ошибка. Н. Г. Иванов под правосудием предлагает понимать вид государственной деятельности, направленной на правильное разрешение уголовного дела и применение справедливой меры ответственности [3]. Таким образом, всю деятельность суда по отправлению правосудия автор сводит лишь к уголовному судопроизводству. Чем-либо мотивировать такую позицию, на наш взгляд, невозможно.

По смыслу указанных выше формулировок выходит, что конституционное и административное судопроизводство правосудия не охватывается, что вряд ли приемлемо, т. к. противоречит ст. 118 Кон-

ституции Российской Федерации. По нашему мнению, нет серьезных оснований конституционное и административное судопроизводство не рассматривать в качестве правосудия, т. к. Конституционный суд Российской Федерации рассматривает заявления и жалобы граждан о нарушении их конституционных прав и свобод, по которым его решения являются окончательными. Такая деятельность суда осуществляется в установленной процессуальной форме. Все это дает основания считать, что Конституционный суд Российской Федерации является не только органом конституционного контроля, но и органом, осуществляющим конституционное правосудие. Относительно административного судопроизводства, мы полагаем, что оно является осуществлением правосудия в той части, в которой административные правонарушения рассматриваются федеральными судьями судов общей юрисдикции, судьями арбитражных судов, а также мировыми судьями, а не органами административной юрисдикции.

В литературе высказано мнение о наличии такой спорной формы правосудия как правосудие по дисциплинарным делам [8, с. 135]. По нашему мнению, производство по делам о дисциплинарных правонарушениях рассматривать как форму осуществления правосудия оснований не имеет, т. к. по ныне действующему трудовому законодательству России дела о дисциплинарных правонарушениях суды не рассматривают.

Вместе с тем представляется, что сущность правосудия нельзя сводить только к процессуальной деятельности, как это делают ученые процессуалисты. Необходимо, прежде всего, обратить внимание на содержательную сторону этой деятельности, т. к. не любая деятельность суда имеет отношение к осуществлению правосудия.

Самое большое внимание исследованию правосудия с позиции определения его содержательной стороны уделялось и уделяется учеными в области уголовного права. Но и в уголовно-правовой науке отсутствует единый подход к определению правосудия. Все существующие позиции можно условно разделить на пять.

Первый так называемый традиционный подход основан на конституционном утверждении, что правосудие в Российской Федерации отправляется только судом "посредством конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства" [4, с. 23]. Некоторые авторы этого подхода рассматривают правосудие как самостоятельный институт уголовного процесса [2]. Слабость этой позиции, прежде всего, в том, что она по сути своей не имеет ничего общего с дефиницией, к тому же не отражает многих существенных признаков правосудия.

Второй подход, наиболее распространенный, основан на анализе гл. 31 Уголовного Кодекса Российской Федерации, придает с одной стороны более узкое толкование правосудию, а с другой стороны – более широкое. Во-первых, правосудие рассматривается как деятельность суда по разрешению гражданских и уголовных дел. При этом не подпадает под объект уголовно-правовой охраны деятельность конституционного суда и деятельность мировых судов и судов общей юрисдикции, рассматривающих дела в рамках административного производства. Во-вторых, правосудие

представлено не только как деятельность суда. К правосудию относят также деятельность органов предварительного расследования и органов или лиц, исполняющих приговоры и решения суда [5], что противоречит Конституции Российской Федерации. Поэтому, а еще и потому, что правосудию следует сводить только к деятельности суда, такая позиция уязвима.

Третий подход сформировался «критиками» уголовного закона, полагающими, что деятельность органов предварительного следствия и исполнения судебных актов не может относиться к правосудию, поскольку осуществляется не судом [7]. Этот подход не нашел широкого распространения в уголовном праве, но на наш взгляд, является небезынтересным, т. к. точно соответствует конституционным признакам правосудия, хотя и не отображает правосудие во всем его многообразии.

Автор четвертого подхода Л. В. Лобанова определяет правосудие в качестве объекта уголовно-правовой охраны как «совокупность общественных отношений, призванных обеспечить предпосылки, нормальное осуществление, а также претворение в жизнь результатов охранительной, познавательно-применительной, процессуально – упорядоченной деятельности суда и содействующих ему органов и лиц» [6].

Позиция Л. В. Лобановой, представляющая несколько иной подход к определению правосудия, имеет право на существование, но представляется нам спорной, т. к. не рассматривает правосудие во всем его многообразии, что, на наш взгляд, необходимо. Кроме того, она противоречит конституционным признакам правосудия.

Пятый подход предложил С. А. Денисов, рассматривая правосудие как социальное явление. С. А. Денисов определяет правосудие через «систему политико-правовых отношений, норм, идей, взглядов и понятий, реализуемых в процессуальных формах деятельности его субъектов по расследованию преступлений, разрешению конституционных, гражданских, административных и уголовных дел, исполнению наказания с целью достижения социальной справедливости, охраны законных прав, свобод и интересов личности, общества и государства, обеспечения законности, борьбы с преступностью, ее устранения» [1]. В предложенном Денисовым понятии неоправданно, на наш взгляд, большое внимание уделяется политической составляющей правосудия, что не только затрудняет восприятие сущности этого понятия, но и делает невозможным использование предложенного им понятия правосудия в уголовно-правовой науке при характеристике преступлений против правосудия.

Несмотря на отмеченные недостатки, каждый из названных подходов имеет право на существование потому, что в них либо отражаются отдельные стороны правосудия, либо правосудие рассматривается как многогранное социальное явление.

Необходимость дальнейших исследований понятия и признаков правосудия вызвана следующими причинами:

- во-первых, не безупречностью существующих определений правосудия;
- во-вторых, необходимостью выделения из всего многообразия предложенных признаков необходимых и достаточных, которые и составляют сущность право-

судия, т. к. только такие признаки могут быть использованы при характеристике правосудия как объекта уголовно-правовой охраны;

– в третьих, изменением позиции государства по отношению к судебной власти;

– в четвертых, необходимостью совершенствования структуры и содержания уголовного закона в части закрепления преступлений против правосудия.

Анализ существующих позиций по понятию правосудия позволяет выделить признаки, которые называются либо всеми авторами, либо большинством. К таковым относятся:

1) проявляется в деятельности суда;

2) эта деятельность облечена в процессуальную форму;

3) эта деятельность направлена на достижение целей и задач, поставленных государством и обществом.

Цели правосудия были сформулированы в Законе РСФСР «О судостроительстве РСФСР», который утратил свою силу. В ныне действующих федеральных и федеральных конституционных законах, регулирующих деятельность судов, цели правосудия не нашли своего закрепления. Цели правосудия хоть и являются собой предстанный результат, на достижение которого направлены действия, но, во-первых, обращены не в будущее, а в настоящее, т. к. содержат в своей основе требования, которые суды должны соблюдать каждый раз, осуществляя свою процессуальную деятельность, во-вторых, носят общий (не конкретизированный) характер. В качестве целей правосудия выделяют: укрепление законности и правопорядка, предупреждение преступлений и иных правонарушений, а также охрана от всяких посягательств общественного строя, его политической и экономической систем, законных социально-экономических, политических и личных прав и свобод граждан, предприятий, учреждений и организаций. Названные цели не просто связаны с функцией правосудия, но и направляют, и определенным образом регулируют его осуществление.

Отправление правосудия осуществляет специальный орган – суд. Ст. 4 ФКЗ "О судебной системе Российской Федерации" называет исчерпывающий перечень судов, призванных осуществлять правосудие в РФ. Функция правосудия имеет много общего с функцией надзора, характерной, пожалуй, для исполнительной деятельности. Вместе с тем правосудие не есть надзор, т. к. суд сам разрешает споры, сам принимает решение об устранении нарушений закона, восстанавливает нарушенное право и наказывает виновных. Суд, осуществляя правосудие, проявляет себя и как законодательная власть, и как исполнительная власть, но эта деятельность не характерна для суда и является, на наш взгляд, временной. Ввиду несовершенства законодательства суд вынужден не только толковать закон, но и восполнять пробелы в праве, которых в настоящее время достаточно много. Но это не свойственный суду вид деятельности. Это – деятельность, от которой суду следует избавляться. Из-за недостаточной правовой культуры в нашем обществе и государстве суд вынужден частично выполнять элементы исполнительной деятельности. Но очевидно, что государство принимает меры к выведению исполнительной деятельности из функции правосудия. Об этом свидетельствует введение и развитие института судебных приставов, а также

совершенствование уголовно-исполнительной системы. Поэтому если в понятие правосудия вкладывать конституционный смысл, то следует констатировать, что суд – это единственный орган, осуществляющий функцию правосудия. Функцию правосудия не следует смешивать с другими видами деятельности суда как государственного учреждения. Например, суд как учреждение, обобщает и анализирует судебную практику, изучает причины, динамику и структуру преступности, принимает граждан, ведет статистику, учет дел и т. д. Очевидно, что для осуществления целей правосудия основная функция суда (правосудие) «обросла» многими другими функциями, носящими вспомогательный характер, т. к. они нужны и существуют в связи с необходимостью реализации функции правосудия.

Правосудие от других функций суда отличается не только целями и задачами, а, прежде всего, сущностью и процессуальной формой. Анализ ФКЗ "О судебной системе Российской Федерации" позволяет сделать вывод, что правосудие в Российской Федерации состоит: во-первых, в рассмотрении и разрешении по существу гражданских дел по спорам, затрагивающим права и интересы граждан, предприятий и организаций, во-вторых, в рассмотрении уголовных дел и применении установленных законом мер наказания к лицам, виновным в совершении преступления, либо оправдании невиновных. Несмотря на развитие федерального законодательства, характеризующего правосудие, необходимые, на наш взгляд, изменения, определяющие понятие правосудия, его цели и задачи, не нашли своего отражения в законах, регулирующих деятельность судебной системы Российской Федерации. Такая позиция законодателя провоцирует различные подходы к определению пределов правосудия. В частности, спор об отнесении административного и конституционного производства к правосудию. Действующее законодательство позволяет сделать вывод об отнесении и административного, и конституционного производства к правосудию, но с определенными оговорками, также как позволяет к правосудию отнести деятельность арбитражного суда.

В соответствии с ФКЗ «Об арбитражных судах в Российской Федерации» правосудие осуществляется также путем разрешения экономических споров арбитражными судами. В ФЗ «О мировых судьях в Российской Федерации», и в Кодексе административного судопроизводства Российской Федерации утверждается об осуществлении правосудия по делам об административных правонарушениях, следовательно, рассмотрение судом дел об административных правонарушениях представляет собой ни что иное, как правосудие, несмотря на неопределенность процессуальной формы их рассмотрения. Деятельность Конституционного суда по субъекту ее осуществления, безусловно, должна относиться к правосудию. Вместе с тем некоторая деятельность конституционного суда даже с учетом того, что для этого тоже предусмотрена определенная процедура, не может быть отнесена к осуществлению правосудия, т. к. относится к вспомогательной с точки зрения целей правосудия деятельности. Это – толкование Конституции Российской Федерации и проверка федеральных законов и других нормативно-правовых актов на предмет их соответствия Конституции Российской Федерации. Но кроме этой деятельности Кон-

ституционный суд Российской Федерации рассматривает заявления и жалобы граждан о нарушении их конституционных прав и свобод, и эта деятельность конституционного суда относится к функции правосудия.

Таким образом, правосудие – это рассмотрение и разрешение гражданских дел по спорам, затрагивающим права и интересы граждан, предприятий и организаций (в том числе и по экономическим спорам); рассмотрение уголовных дел и применение мер наказания к лицам, виновным в совершении преступления, либо оправдание невиновных; рассмотрение судом дел об административных правонарушениях и рассмотрение жалоб и заявлений граждан о нарушении их конституционных прав и свобод.

Все перечисленные виды деятельности облечены в определенную процессуальную форму. Процессуальная форма осуществления правосудия не является единой и имеет свою специфику в зависимости от вида суда и категории рассматриваемого дела и предусмотрена соответствующими процессуальными законами, а также ФКЗ «О Конституционном суде Российской Федерации». Нельзя не отметить недостаточное законодательное регулирование процессуальной формы рассмотрения дел об административных правонарушениях, особенно у мировых судей, но это не препятствует, как уже было отмечено нами, отнесению рассмотрения дел об административных правонарушениях к функции правосудия, а ставит перед законодателем задачу либо внесения изменений в существующий Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, либо, создание единого для всех судов административно-процессуального закона.

Глава 31 УК РФ, на наш взгляд, объединяет три взаимосвязанных группы преступлений, каждая из которых обладает определенной самостоятельностью:

- во-первых, преступления, непосредственно посягающие на деятельность суда по разрешению дел;
- во-вторых, преступления, опосредованно посягающие на деятельность суда по разрешению дел;
- в-третьих, преступления, которые в зависимости от личности потерпевшего, особенностей объективной и субъективной стороны деяния могут выступать в одних случаях как преступления, непосредственно посягающие на деятельность суда по разрешению дел, а в других случаях как преступления, влияющие на эту деятельность опосредованно.

При этом к преступлениям, непосредственно посягающим на деятельность суда, следует отнести, безусловно, преступления, предусмотренные ст. 297, 303, 305, 307, 308, 309 УК РФ.

Вторая группа преступлений оказывает влияние на деятельность органов, осуществляющих дознание и предварительное расследование, а также органов, осуществляющих исполнение приговоров или иных судебных решений. Это преступления, предусмотренные ст. 299, 300, ч. 1 ст. 301, 302, 306, 310, 313, 314, 314-1, 315, 316.

К третьей группе преступлений относятся преступления, предусмотренные ст. 294, 295, 296, 298-1, ч. 2 ст. 301, 304, 311, 312 УК РФ. Как уже было отмечено, в зависимости от конкретной ситуации каждое из перечисленных преступлений можно отнести как к первой, так и ко второй группе.

Применительно к преступлениям, предусмотренным ст. 295, 296, 298-1 и 311 УК РФ, имеет значение в отношении кого были совершены эти преступления; если в отношении судьи, присяжного заседателя, а также в отношении участников судебного разбирательства (государственный обвинитель и защитник), то такие преступления оказывают непосредственное влияние на деятельность суда; если эти преступления были совершены в отношении других, перечислены в статьях УК РФ лиц (например, судебный исполнитель или следователь), то они могут оказывать только опосредованное влияние на деятельность суда.

Анализ состава преступления предусмотренного ч. 2 ст. 301 УК РФ, позволяет утверждать, что вывод о непосредственном или опосредованном влиянии на деятельность суда по разрешению дел, можно сделать в зависимости от того деяния, которое образует объективную сторону этого преступления. Если речь идет о заключении под стражу, то это деяние непосредственно относится к деятельности суда; если о содержании под стражей, то это деяние носит опосредованный характер по отношению к деятельности суда.

Преступление, предусмотренное ст. 304 УК РФ, можно отнести к первой или второй группе в зависимости от цели деяния; при наличии цели искусственного создания доказательств это преступление будет оказывать непосредственное влияние на деятельность суда, а в случае цели шантажа – только опосредованное влияние.

Преступления, отнесенные нами ко второй и третьей группе, помещены в гл. 31 УК РФ, прежде всего потому, что эти деяния, хотя и не всегда влияют на деятельность суда, относящуюся к правосудию, но при любых условиях причиняют вред интересам правосудия.

Всё отмеченное позволяет сделать вывод, что видовым объектом преступлений против правосудия выступают общественные отношения, складывающиеся в сфере осуществления правосудия. Для того чтобы раскрыть содержание видового объекта, необходимо определить о каких отношениях в сфере осуществления правосудия идет речь.

В юридической литературе отсутствует единый подход к определению видового объекта преступлений против правосудия. Все существующие позиции условно можно разделить на две группы. Сторонники первого подхода исходили из того, что правосудие осуществляется только судом, и не включили в объект рассматриваемых преступлений отношения, складывающиеся в сфере деятельности органов предварительного расследования и органов, отвечающих за исполнения приговоров и решений суда [12, с. 160]. Основным недостатком представленной позиции является то, что в таком случае видовой объект оказывается намного уже, чем отношения, представленные в гл. 31 УК РФ.

Сторонники второго подхода относили к видовому объекту преступлений против правосудия общественные отношения, обеспечивающие нормальное функционирование системы правосудия, а также органов, исполняющих судебные решения и приговоры. При этом, по мнению авторов, система правосудия включает не только деятельность судов, но и органов предварительного расследования [13].

Не соглашаясь с отнесением к системе правосудия деятельности каких-либо других органов, кроме суда, полагаем, что общественные отношения, складывающиеся при реализации и достижении целей и задач правосудия, нельзя ограничивать только отношениями, складывающимися между участниками судопроизводства по разрешению по существу уголовных, гражданских, «административных» и «конституционных» дел.

Деятельность органов дознания, следствия, прокуратуры и органов, исполняющих решения и приговоры суда является подчинённой деятельностью по отношению к деятельности суда, и призвана содействовать суду в достижении целей и задач правосудия.

Следует согласиться с Л. В. Лобановой, рассматривающей видовой объект преступлений против правосудия в виде сложной системы общественных отношений, состоящей из двух подсистем, складывающихся:

а) в сфере деятельности суда по реализации судебной власти;

б) в сфере деятельности органов, содействующих в отправлении правосудия [6].

При определении видового объекта преступлений против правосудия необходимо исходить из нескольких существенных моментов:

– во-первых, как уже было отмечено, в гл. 31 УК РФ содержатся две группы норм, обеспечивающих:

1) охрану общественных отношений при осуществлении судом деятельности по реализации целей и задач правосудия;

2) охрану общественных отношений при осуществлении деятельности органов предварительного следствия, прокуратуры и исполнения решений и приговоров, направленной на содействие суду в достижении целей и задач правосудия;

– во-вторых, дефиниция должна отражать сущность правосудия.

Учитывая особенности правосудия, содержание его целей и задач, можно сделать вывод, что видовым объектом преступлений против правосудия следует признать общественные отношения, складывающиеся при осуществлении судом деятельности, направленной на реализацию целей и задач правосудия, а также общественные отношения, складывающиеся при осуществлении органами дознания, предварительного следствия, прокуратуры, и органов, ведающих исполнением решений и приговоров суда деятельности, направленной на создание необходимых условий для реализации целей и задач правосудия.

Для устранения путаницы и приведения названия гл. 31 УК РФ в соответствие с содержащимися в ней преступлениями необходимо внести изменения в формулировку гл. 31 УК РФ, изложив название главы в следующем виде: «Преступления против интересов правосудия». Такая формулировка точнее будет передавать содержание уголовно-правовых норм, объединённых в этой главе.

Литература

1. Денисов С. А. Актуальные проблемы уголовной ответственности за преступления против правосудия: дис. ... д-ра юрид. наук. СПб, 2002. 315 с.
2. Зиновьев А. С. Закон, совесть и справедливое судопроизводство // Российский судья. 2013. № 10.
3. Иванов Н. Г. Уголовное право России. М., 2003. 823 с.
4. Конституция Российской Федерации: офиц. текст. Новосибирск: Сиб. унив. изд-во, 2013.
5. Кулишов Ю. И. Проблемы оптимизации уголовной политики в сфере борьбы с преступлениями против правосудия // Юридический мир. 2014. № 8.
6. Лобанова Л. В. Преступления против правосудия: теоретические проблемы классификации и законодательной регламентации. Волгоград, 1999. 280 с.
7. Москвитина Т. А. Некоторые предложения по совершенствованию проекта Уголовного кодекса Российской Федерации // Вопросы уголовной ответственности и ее дифференциации. Ярославль, 1994. 242 с.
8. Нажимов В. П. Типы, формы и виды уголовного процесса. Калининград, 1977.
9. Петрухин И. Л., Батуров Г. П., Морщакова Т. Г. Теоретические основы эффективности правосудия. М., 1979. 189 с.
10. Правоохранительные органы в СССР. М., 1991. 164 с.
11. Ржевский В. А., Чепурнов Н. М. Судебная власть в Российской Федерации, конституционные основы организации и деятельности. М., 1998. 148 с.
12. Хабибуллин М. Х. Ответственность за заведомо ложный донос и заведомо ложное показание по советскому уголовному праву. Казань, 1975.
13. Хлопцева Е. Ю. Уголовно-правовая охрана правосудия: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 1995. 210 с.

Информация об авторах:

Гагг Ирина Анатольевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии КемГУ, irinagaag1@mail.ru.

Irina A. Gaag – Candidate of Law, Associate Professor, Assistant Professor at the Department of Criminal Law and Criminology, Kemerovo State University.

Евгения Николаевна Куприянова – старший преподаватель кафедры уголовного права и процесса Кемеровского института (филиал) Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова, kupriyanova78@mail.ru.

Evgenia N. Kupriyanova – Senior Lecturer at the Department of Criminal Law and Procedure, Kemerovo Institute (branch) of Plekhanov Russian University of Economics.

Статья поступила в редколлегию 21.09.2015 г.